

Любина—Филумена

ТЕАТР

Творчество Эдуардо де Филиппо — итальянского драматурга, режиссера, актера, киносценариста — пронизано горячей любовью к простым людям, верой в человека, заинтересованностью в его судьбе.

Года полтора назад мы видели фильм «Неаполь—город миллионеров», видели и надолго запомнили его героев, их нелегкую судьбу, трудные поиски человеческого счастья. Не забылось и самобитное дарование сценариста и одного из создателей фильма — Эдуардо де Филиппо, его стремление рассказать правду об Италии наших дней, правду жестокою и неприглядною. Строго говоря, де Филиппо — не обличитель в том понимании, какое мы обычно вкладываем в это слово: он далек от политических лозунгов и деклараций, от прямого высказывания своих политических взглядов. Но само противопоставление людей разных классов, когда жители трущоб оказываются чище, благороднее, духовно богаче буржуа и аристократов, — уже само это определяет политическую направленность творчества талантливого драматурга.

Эдуардо де Филиппо — страстный защитник «маленького человека». Но он, этот человек, — не забытый горем и нуждою бедняк: драматург пришел к горьковскому пониманию «маленького человека», высказанному великим писателем в «Итальянских сказках»: «Маленький человек — непобедимая сила!.. Поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, что хочет...».

Де Филиппо верит в это. Вот почему его яркое дарование оптимистично: повествуя о горе и страданиях простых людей Италии, он говорит и о гордости их, о силе духа, о вере этих людей в будущее, об их борьбе за счастье. Автор в своих пьесах еще далек от открытого утверждения тех или иных политических идей и идеалов, в них нет борцов-революционеров, и тем не менее в произведениях де Филиппо идет борьба за

человека. Талант драматурга светел и радостен именно потому, что он верит в маленьких людей, верит в духовную красоту простого человека.

Этой верой пронизана и пьеса де Филиппо «Филумена Мартурано», которую недавно показал ашхабадскому зрителю театр имени А. С. Пушкина.

О чем эта пьеса? О судьбе женщины в современном буржуазном обществе, ее борьбе за место под солнцем, за свое человеческое достоинство. Это пьеса о борьбе матери за право называться матерью.

Говорят ли эти несколько строк, в которых мы пытались передать содержание пьесы де Филиппо, что-нибудь о большой трагедии Филумены Мартурано — женщины из простонародья? Конечно, нет. Мы просто сказали о теме произведения, а чтобы полнее понять трагедию Филумены, мотивы ее борьбы и трудных поисков счастья для себя и своих сыновей, — мало даже прочесть пьесу, для этого надо увидеть на сцене Л. Любину. Сказать, что актриса играет мастерски, что в течение всего спектакля мы находимся под впечатлением ее огромного актерского и человеческого обаяния, что это одна из лучших актерских работ сезона — это значит просто отделаться комплиментами по поводу ее серьезного труда. Успех Л. Любиной настолько принципиален, что заслуживает большого разговора.

«Филумена Мартурано» — трудное и своеобразное драматическое произведение: оно богато своим внутренним, психологическим содержанием. Большую идейную, эстетическую и чисто драматургическую нагрузку у де Филиппо несут монологи — блестящие по своему построению, — монологи, которые трудно «играть» — их нужно понять и глубоко почувствовать. Без этих монологов, в которых раскрывается не только история жизни, но и душа, характер, темперамент, устремления, наконец,

мировоззрение того или иного героя, нет пьесы, нет спектакля.

И Л. Любина именно в монологах сумела наиболее ярко и рельефно воссоздать облик своей многострадальной героини. Кто она, эта женщина из народа, что она делает в этой гостинной с нелепыми импрессионистскими картинами на стенах, статуэткой лошади, поднятой на дыбы, с роскошной мебелью? Филумена Мартурано — дитя трущоб, почти ребенком ушла она в страшные публичные дома, чтобы помочь отцу прокормить семью. Двадцать пять лет назад в одном из этих домов она встретила и полюбила самонадеянного и блестящего фата Доменико Сорриано. Все эти годы она хотела освободиться от страшной участи публичной женщины, посвятить всего себя, свою неистраченную любовь и юность Доменико, милоту Думми. Но последний не оценил ее. И тогда случилось то, что так взбесило Сорриано.

...Он мечется по сцене, потрясенный коварством Филумены: как, эта публичная девка обманом вырвала у него согласие на брак, она хочет быть его женой, носить фамилию Сорриано! И новые потоки обидных слов, чуть ли не площадной брани льются на Филумену, которая стоит, скрестив руки на груди, словно окаменевшая, бледная от возмущения и обиды, с горящими решимостью глазами — она уверена в своей правоте.

В этой сцене Л. Любина дает первый контурный рисунок роли. Мы чувствуем в ней внутреннюю силу, мужество, решимость, продиктованную не отчаянием, а логикой ее двадцатипятилетней борьбы за право называться человеком. Филумена — Любина ждала этого скандала, она готовилась к нему, и поэтому сейчас так спокойна внешне. Это дается ей с трудом, мы почти ощущаем, что вот-вот Филумена «взорвется», но каким ледяным тоном, почти равнодушно она бросает это свое «Кончил?», ког-

да Сорриано на минуту умолкает. Сколько оттенков в одном коротком слове — презрение к Доменико («причитает, как баба!»), желание пресечь поток ругани (стыдно перед находящимися тут же Розалией и Аморозо), сознание собственного достоинства, вера в свое моральное превосходство над жалким Сорриано...

Но вот Филумена—Любина произносит свой первый монолог, — и какая боль сжимает сердца тех, кто сидит в зале. Горечь обманутых надежд, крушение светлых идеалов любви, ненависть, стремление вырваться из страшного ада — вот что слышим мы в ее признаниях. Актриса почти отказывается от жеста, мимики, движений на сцене, но из ее полумистического рассказа о мадонне, о том, что «дети есть дети» встает светлый и одухотворенный образ матери. Именно тогда, когда Филумена впервые почувствовала себя матерью, она открыла в себе человека. Утверждение Филуменой себя в жизни — это утверждение самого святого в жизни женщины — материнства. И поэтому ее борьба не может оставлять нас равнодушными.

А вот второй рассказ Любиной—Филумены — во втором действии. Она собралась своих сыновей, чтоб сказать им — я ваша мать, она со сдержанной яростью и огромной болью (мы видим эту боль в глазах, в жесте, которым она убирает прядь волос, слышим ее в голосе — низком, иногда прерывающимся от волнения) бросает в лицо адвоката Ночелла — в лицо закона — горькие слова о поруганном простом человеке. И снова нельзя оставаться равнодушным, снова сердце закипает ненавистью к миру обмана и насилия, к продажному миру духовных банкротов — буржуа.

Мы понимаем Любину, когда она спокойна: это спокойствие для ее титанической борьбы со злом буржуазного мира в облике Сорриано — необходимейшее оружие. Но понятна нам она и тогда, когда в бешенстве выталкивает из квартиры любовницу Сорриано — Диану,

надавав еще пощечин: у нее прорывается ненависть, чисто женское возмущение, гадливое чувство к той, которая хочет разрушить ее семью.

Но если бы Л. Любина наделила свою героиню только этими красками борца за счастье, она легко могла бы впасть в декларативность, ее героиня стала бы некой абстрактной носительницей определенных идеалов, простым «рупором идей», что совершенно не вяжется с драматургией де Филиппо. Л. Любина—Филумена человекна, проста, ее согревает и поддерживает в борьбе огромная любовь к сыновьям, к простой женщине Розалии, ставшей наперсницей Филумены. Какой внутренней теплотой и нежностью, до поры неумело скрываемой, пронизаны ее отношения с сыновьями! Все это делает образ Филумены полнокровным, интересным, содержательным, все это дает возможность воспринять ее борьбу за место под солнцем во всей напряженности и драматизме.

Мы не случайно так подробно остановились на исполнении Л. Любиной — ее игра в значительной мере решила судьбу спектакля. И если бы актер В. Урусов — Сорриано сумел стать достойным партнером Л. Любиной на сцене, мы с полным основанием имели бы возможность говорить о новой работе режиссера Л. Окуня как о значительном явлении в нынешнем театральном сезоне. Думается, актер не нашел ключа к образу Сорриано, а Л. Окунь не помог ему в этом. Ключом же этим являются слова самого Доменико, обращенные к Аморозо: «Я чувствую себя конченным, нет воли, нет энергии. И то, что я делаю, я делаю только для того, чтобы убедить себя: я — еще сильный, могу побеждать людей, жизнь, смерть... Но все это ложь». Вот эта внутренняя обреченность Сорриано, его надломленность, душевное смятение не раскрыты в спектакле. Перед нами не обреченный мир в образе Доменико, а нашкодивший и растерявшийся на некоторое время старый фат. В спектакле Доменико получился несколько водевильным, и это приглушает социальное звучание его

жизненной драмы, а заодно, в какой-то степени, и драмы Филумены.

Заслуживает добрых и теплых слов исполнительница роли Розалии М. Ридель — ее героиня глубоко человекна, умна, душевно богата. В пьесе есть материал для создания ярких образов сыновей Филумены — Микеле, Риккардо и Умберто. Артисты А. Козин, О. Аветисов и С. Борисоглебский находят живые черточки, скупые, но точные штришки, раскрывающие характеры этих молодых людей.

Спорна трактовка образа Альфредо Аморозо М. Ф. Кирилловым. Актер пошел по легкому пути, излишне подчеркивая комическое в образе своего героя. А ведь Аморозо — вовсе не шут, он прожил нелегкую жизнь человека, ничего духом, приспособленца, вечно ожидающего подачки, и впереди у него — пустота, холод, не жизнь, а прозябание. И что главное в образе, — Аморозо сам это отлично понимает; шутовское в нем — маска, прикрывающая трагическое одиночество души. Это М. Ф. Кирилловым или не понято, или сознательно отброшено.

Каков же спектакль в целом — хорош или плох? Он очень ровен. Есть в нем несомненные актерские удачи, интересно оформление (М. Сапожников и Г. Бодрова). Но и только. Можно подумать, что Л. Окунь все свое умение, весь свой запал и творческую выдумку посвятил, вместе с актрисой, только лепке образа Филумены. Остальные герои его интересовали постольку, поскольку их судьбы были связаны с ее судьбой. Отсюда та недоработанность отдельных образов, о которой говорилось выше.

И это обидно, ибо мы успели полюбить режиссера Л. Окуня как пытливого и умного художника сцены («Мораль пани Дульской»), который умеет пронизать свои работы страстной мыслью, воплощенной в ярких, завершенных художественных образах. Этой художественной законченности не хватает в новой работе Л. Окуня.

Хабиб ГУСЕИНОВ.

13 IV 52